

Игорь Вишневецкий

Францисканский университет г. Стубенвилля, США
ivishnevetsky@franciscan.edu
vishnevetsky@gmail.com

Igor Vishnevetsky

Franciscan University of Steubenville, U. S. A.
ivishnevetsky@franciscan.edu
vishnevetsky@gmail.com

О РУССКИХ СТИХАХ ЯНА КАПЛИНСКОГО ON JAAN KAPLINSKI'S RUSSIAN POEMS

В статье даётся общая оценка русского поэтического наследия великого эстонского поэта Яна Каплинского (1941–2021), собранного им в пяти авторских сборниках, увидевших свет с 2014-го по 2022-й годы, и рассмотрен вопрос о поэтическом мироощущении Каплинского как поэта, пишущего также на русском языке. То, как работает русский стих Каплинского, разобрано на примере стихотворения «Лунный свет капает с крыш на асфальт...» В заключение разъясняется, в чём причина совершенной отдельности стихов Каплинского от того, что создавалось в новейшей русской поэзии.

Ключевые слова: Ян Каплинский; эстонская поэзия; русская поэзия XXI века.

This essay provides a general estimate of the poetry composed by great Estonian poet Jaan Kaplinski (1941–2021) in Russian and published in five author's Russian-language poetry collections issued between 2014 and 2022. Kaplinski's poetic worldview is discussed in relation to those Russian-language poems. The way those poems work is demonstrated through the analysis of a poem "Moonlight drips from the roofs of the buildings on asphalt..." Finally, the Kaplinski's very unique (and separate) position in the context of most recent Russian poetry is being explained.

Key words: Jaan Kaplinski; Estonian poetry; Russian poetry of the 21st century.

1.

Великий эстонский поэт Ян Каплинский (Jaan Kaplinski, 1941–2021) опубликовал по-русски пять авторских сборников: *Бълыя бабочки ночи* (Каплинский 2014), написанный им в дореформенной русской орфографии,

причём одновременно была издана альтернативная версия сборника в современном написании (Каплинский 2014); *Улыбка Вегенера* (Каплинский 2017)¹; *Наши тени так длинны* (Каплинский 2018а), и этот третий сборник включал, помимо нового и прежнего, автопереводы эстонских стихов Каплинского², составившие чуть меньше половины книги (Там же: 19–168), другие стихотворные переводы с эстонского, из Карла Ристикиви и народной поэзии (Там же: 321–329), а также с древнегреческого, из Сапфо (Там же: 330), со шведского, из Гуннара Экелёфа и Харри Мартинсона (Там же: 331–337), с португальского, из Фернанду Пессоа³ (Там же: 338–341), и, наконец, с китайского, из Ли Бо и из Ли Юя (Там же: 342–353); *За другими реками* (Каплинский 2021), в названии которого последнее слово произносится на народный манер, с ударением на предпоследнем слоге, т. е. на окончании (по А. А. Зализянку — знак большей привычности слова произносящим его), «другие реки» в названии — реки инобытия: отправляя сборник в печать, Каплинский знал, что жить ему осталось недолго; наконец, посмертный сборник стихов *Отпечаток крылатого пальца* (Каплинский 2022), который был подготовлен к печати в Москве ещё при жизни автора и должен был предшествовать сборнику *За другими реками*, но по не зависящим от тех, кто готовил сборник, обстоятельствам увидел свет в Эстонии, уже после кончины поэта энергией и усилиями Игоря Котюха, издавшего до того *За другими реками* и первую целиком русскую книгу стихов Каплинского *Блужда бабочки ночи*. Предисловие к так и не вышедшему в Москве *Отпечатку крылатого пальца* было написано мной и потом, с минимальными изменениями, предпослано изданной Игорем Котюхом книге⁴. Конечно, были публикации текстов, написанных Каплинским по-русски, оставшиеся за пределами этих пяти авторских сборников: назовём в первую очередь рассказ «Действительные числа» (Каплинский 2000), которым пятидесятидевятилетний Каплинский дебютировал в качестве русскоязычного автора. Кое-что (по-видимому, незначительное число) из написанного Каплинским по-русски остаётся ненапечатанным: в основном, это касается рифмованных силлаботонических стихов, в которых Каплинский был менее оригинален, чем в нерифмованных логоэдах.

Будучи полиглотом, Ян Каплинский также писал на близкородственном эстонскому финском, по-английски, на вырусском диалекте эстонского языка и по-латыни. Но после эстонского именно на русском им был создан самый значительный корпус оригинальных стихов. Уже одних русских

¹ Каплинский подарил мне этот сборник с дарственной надписью, выполненной тем образцово каллиграфическим почерком, какой обычно свидетельствует о прямоте и ясности характера.

² В их числе отредактированные Каплинским переводы Светлана Семененко (1938–2007) (Каплинский 2018а: 18).

³ Так у Каплинского. В русской традиции закрепилось написание «Фернандо Пессоа».

⁴ В моём архиве хранится правленая вёрстка невышедшего московского издания *Отпечатка крылатого пальца*.

стихов Каплинского было бы достаточно, чтобы говорить о нём как о выдающемся поэте. Это тем более удивительно, что главное было сделано им именно в эстонской поэзии, именно благодаря его видению и дару последняя обрела мировые горизонты и контекст.

В 2022-м году мне довелось трижды высказываться о русских стихах Каплинского: один раз по-английски в большой статье «Три современные русские поэта и библейская традиция: Сергей Завьялов, Наталия Черных, Ян Каплинский», причём статью сопровождал мой собственный английский перевод двух стихотворений из *Бѣлыхъ бабочекъ ночи* и восьми — из *Отпечатка крылатого пальца* (Vishenvetsky 2022), дважды по-русски — в опубликованном в *Новом мире* стихотворении «Памяти Яна Каплинского», соединившем поминальную оду и мемуар (Вишневецкий 2022), а ещё в предисловии «О поэтике новых и прежних русских стихов Яна Каплинского» к сборнику *Отпечаток крылатого пальца* (Каплинский 2022: 5–12), которое в основной своей части было написано в декабре 2019-го и согласовано с самим Каплинским. То, что вы прочитаете ниже — мои итоговые мысли о русском стихотворном наследии нашего выдающегося современника.

Недостатком (и до некоторой степени преимуществом) моего взгляда является то, что эстонским языком я не владею. Это не позволяет мне оценить связь поэтики эстонских и русских стихов Каплинского, которая очевидно глубока: поэт был личностью цельной и едва ли противопоставлял созданное на одном языке созданному на другом, что подтверждается тем, что автопереводы в *Наши тени так длинны* мало отличаются от написанных по-русски стихов. Но эта же ограниченность моего знания позволяет мне сосредоточиться на главном: на месте и значении созданного Яном Каплинским в контексте современной поэзии на русском языке и русской поэтической традиции в целом.

2.

Каплинский обратился к русскому языку достаточно поздно: первый опубликованный им художественный текст, написанный на русском рассказ «Действительные числа» (я его уже называл) был создан весной 2000-го года во время пребывания в писательской резиденции на шведском острове Готланд. Петербургский поэт и критик Валерий Шубинский, находившийся в это же самое время в готландской резиденции, был самым первым русским читателем «Действительных чисел» и передал их для публикации в журнал *Звезда* (Шубинский 2020). Значительную часть времени Каплинский, давно уже классик эстонской поэзии, проводил по воспоминаниям В. Шубинского не за рабочим столом, а в велосипедных прогулках вместе с женой по Готланду (там вообще мало кто сидел за письменными столами, а природу Каплинский понимал и любил, и общение с ней

для него было явно интересней многого остального)⁵. Достигший всего, что любой на его месте мог бы пожелать, в родной литературе, способствовавший — в годы, когда Эстония была частью СССР (а на эти годы приходилась большая часть жизни Каплинского), защите эстонского языка от неизбежной экспансии русского (главного официального языка СССР), его усложнению в качестве инструмента художественного познания и развития, фактически создавший поэтический эстонский в его нынешней форме, Каплинский не только всех удивил обращением именно к русскому языку в качестве нового средства художественного выражения (большинство его поздних стихов написано именно по-русски), но и не без удовольствия говорил, что у него как у дебютировавшего теперь и на русском есть одно замечательное преимущество: он — молодой автор⁶. К этому хочется добавить то, что в русских стихах Каплинского, написанных им в 2000-е и 2010-е, произошла определённая корректировка взгляда на мир. Об эстонском мировоззрении Каплинский говорил, в том числе и автору этих строк, что оно — стихийно языческое, что христианизация Эстонии, проводимая сначала немецким («остзейским») правящим классом, затем русскими властями в любом случае была поверхностной (хотя сам он, сын поляка и эстонки, по рождению был католиком, и имя данное ему при крещении в католическом храме уже советского Тарту было, по слышанному мной от него рассказу, латинским — Ioannes). В русских же стихах Каплинского начинает возрастать библейское, а если быть конкретным — христианское, начало. Удивительного тут мало: в литературном русском чрезвычайно значителен церковнославянский пласт, начиная от грамматических форм и морфем и заканчивая элементами синтаксиса и фразеологизмами, чего Каплинский — поэт, но также и лингвист по образованию — не мог не чувствовать. Иными словами, язык во многом определяет мировоззрение пишущего на нём поэта. И невозможно быть серьёзным русским поэтом и игнорировать мощный христианский пласт в языке.

Я далёк от приписывания языку поэзии и языку вообще каких-либо сверхъестественных свойств, но его историю, структуру, наличие в языке тех или иных пластов (включая пласты заимствований — в интересующем нас случае церковнославянских — и их стилистическую окрашенность) поневоле приходится вспоминать по той простой причине, что поэзия представляет собой стилистически чрезвычайно обострённую форму говорения и письма на выбранном языке.

При этом любой медиум — в том числе и русский язык — есть только средство донесения доязыковых ощущений и установок, хотя и средство изменяющее, корректирующее наш взгляд на действительность.

⁵ Сообщено В. Шубинским в личном разговоре с автором статьи. Благодарю В. Шубинского и С. Завьялова за уточнения и замечания, высказанные по прочтении данной статьи.

⁶ См. в частности его интервью Елене Фанайловой, вышедшее в эфире «Радио Свобода» 12 мая 2015-го года (Фанайлова 2015).

Каково же было *мироощущение* или, как порой говорят, *мирочувствие* Каплинского, выраженное в его русских стихах?

В послесловии к сборнику *Бѣлыя бабочки ночи* «Русские стихи Яна Каплинского: возможно ли такое?» Сергей Завьялов начинает с того, что «слишкомъ разительна дистанція между опытомъ русскаго читателя, его ожиданіями и этой книгой» (Каплинский 2014: 87) и что степень личного, социального и культурного самоумаления лирического героя Каплинского такова (а культура — с чем вряд ли стоит спорить — есть продукт социальной среды и социальных условий, ибо создать культуру одному, на необитаемом острове невозможно), что ему «легче и пріятнѣе общаться съ бѣлыми облаками и замшелыми камнями, чѣмъ съ людьми» (там же), т. е. мы имеем дело с «я», задающимся последними вопросами без подпорок культурной традиции, социального признания (и то, и другое у Каплинского было, но это для его лирического «я» оказалось совершенно неважным) и даже без подпорок языка, ибо вопросы «*Кто я? Куда и зачем иду? Зачем прожил то, что довелось прожить?*» возникают до выбора языка (эстонского, финского, английского, латинского, русского или какого ещё). В предисловии «От каждого стихотворения остаётся шрам» к третьей русской книге Каплинского *Наши тени так длинны* Завьялов подводит итог движению Каплинского в пространстве эстонской и русской речи: «В сущности, весь двуязычный более чем пятидесятилетний творческий путь поэта — это апология лирики, доказательство её возможности в *современных* условиях (то есть как части art contemporain), но не путем апелляции к традиции, а как раз обратным способом: путем разрушения и даже, можно сказать, уничтожения “шарманки” (речь не только о стихосложении) традиции и демонстрации того, какие фундаментальные органические основания имеет *лирика* в человеческой природе» (Каплинский 2018а: 13–14).

В моём же собственном предисловии к *Отпечатку крылатого пальца* я, продолжая то, что было намечено С. Завьяловым, подчеркивал внелитературную природу занятой поэтом позиции:

«Ян Каплинский видит мир почти свершившимся, почти достигшим предначертанной формы, а интонация его русских стихов элегична.

Принятие им почти полной осуществлённости мира ведет к стоическому принятию истории, против которой мыслящему человеку хотелось бунтовать большую часть XX века и которая жестоко прошла по семье самого Каплинского (в советском заключении погиб выросший в Петербурге его отец); а уже после бесстрашного и спокойного взгляда в лицо истории к сочувствию ко всему, что из истории выпало или изначально стояло вне её — к природному миру, начиная с древнейших форм жизни, ко всему хрупко человеческому и частному» (Каплинский 2022: 5–6).

Сказанное и процитированное выше я позволю себе дополнить ещё одной цитатой — из стихотворения «Памяти Яна Каплинского» (метрически это сапфическая строфа, точнее русская версия её, но рифмованная):

Он ценил довольно простые вещи —
 те, что другому
 для работы сельской нужны, в подспорье:
 кадку и топор, грабли, лемех плуга.
 В нём крестьянин жил — не от маловерья
 в дальнего Бога,
 а от пониманья того, что точно
 всех, кто под камнями, в камнях, всех пленных
 времени ещё призовут к бессрочной
 в новых вселенных
 жизни, и всё вымершее как будто
 на сознанья плёнке возникнет снова,
 станет ярче — праздничней почему-то —
 нашего слова.

(Вишневецкий 2021: 123)

И хотя в речи при вручении ему Премии Белого Каплинский всё-таки называет несколько внутренне близких ему русских поэтов — Лермонтова, Ходасевича, Георгия Иванова (Каплинский 2018б) — едва ли можно говорить о каком-либо серьёзном влиянии их стихов на его собственную поэтику.

3.

Большинство русских стихотворений Каплинского относительно коротки (практически никогда — исключение составляют переводы — ни одно из них не переваливает за страницу): все они написаны в жанре элегической медитации, и в подавляющем большинстве не силлаботоникой, рифмованной или нерифмованной, и даже не свободным стихом, а нерифмованными логаздами с обязательной цезурой в середине каждой строки. При этом перед нами тексты не столько для чтения глазом, сколько для произнесения вслух, от которого они очень выигрывают. Фонетика их благозвучна, совершенно лишена каких-либо сложностей и, как это бывает у некоторых стихотворцев, звуковой «агрессии», и в конце концов завораживает, как сам ритм стиха, лёгкостью развёртывания. Однако перед нами «лёгкость», обрётённая в результате огромного опыта и труда длинную в жизнь.

В предисловии к *Отпечатку крылатого пальца* я разобрал в качестве примера того, как работает поэтическая речь у Каплинского, стихотворение «Поднимаясь вверх по чёрно-белой лестнице» (Каплинский 2022: 10–11). Здесь я хотел бы обратиться к другому высоко ценимому и переведённому мной с русского на английский (Vishnevetsky 2022) стихотворению книги «Лунный свет капает с крыш на асфальт». Оно, как и многие стихотворения сборника, было написано Каплинским на Мадейре, где поэт, уже всерьёз заболевший и лишённый возможности говорить, но продолжавший актив-

но творить, проводил вместе с женой зиму. Стихотворение прежде всего удивительно своей просветлённостью, а также работой с языком, что называется, на микроуровне, т. е. на уровне точно выбранной фонемы (заменяемой на другую), изменяемой грамматической формы (если смотреть не в исторической перспективе, а с точки зрения современного русского языка) и — вследствие этого — «расколдовываемого», перестающего быть таковым фразеологизма, а ещё столь же точечным введением окказионализма (обо всём этом в подробностях ниже). Это позволяет превратить описание лунной (и, по-видимому, бессонной для лирического героя) ночи на острове посреди Атлантики в разговор о «я» и Абсолютном (как следует из текста, ускользающем от точного определения за разнообразием «не-я»), в уже не столько и не только поэтическое, сколько теологическое рассуждение. При этом объем стихотворения крайне невелик — всего 16 строк, и в нём практически нет лишних слов. Стихотворение останавливается на подъёме дыхания: кажется, как написал С. Завьялов о русских стихах Каплинского, этот текст «чуть-чуть как бы лишён кислорода» и звучит «как латынь» (Каплинский 2018а: 12), но Каплинский этого добивается специально. Как если бы всего этого было недостаточно, стихотворение представляет собой ключ к заглавию сборника, в который оно было включено (напомню, книга называется *Отпечаток крылатого пальца*):

Лунный свет капает с крыш на асфальт,
на лежащих полицейских, на крыши спящих машин.
Рёв мотоцикла растворяется в тишине.
Два белых корабля исчезают из виду в океане.
Старое кресло лежит на пляже,
полупогрузившись в песок.
Я не один одинок, как оно, как все,
запертые внутри окружности горизонта.
Только Бог не тут и не там, Бог не один.
Он не есть, он просто божествует
тут и там, за нолем и бесконечностью,
далеко от своего имени, от тех, кто верит,
и тех, кто не верит в него. Тут и теперь
он просто играет на мокром песке
в прятки с волнами и маленькими шустрыми крабиками,
оставив на песке и в воде отпечатки своих пальцев.

(Каплинский 2022: 31)

Начать с того, что в известном всякому русскому автомобилисту выражении «лежащий полицейский» (по-английски это называется speed bump и цель — слегка повредить вашу машину, если вы не снизите скорость) Каплинский заменяет мягкий и звонкий нёбно-зубной звук [ч'] на мягкий же, но долгий и глухой нёбно-зубной звук [ш:], превратив форму «лежащий», воспринимающуюся современным носителем русского языка как отглагольное прилагательное (на деле же — общевосточнославянское при-

частье) в причастие (формообразованием позаимствованное из церковнославянского) «лежащий», а ещё заменяет единственное число на множественное, разрушив таким образом фразеологизм и превратив speed bump в лежащих (и, как можно предположить, спящих) полицейских. Дальнейшие микроизменения включают замену фразеологизма «я не так одинок» на «я не один одинок», что создаёт ощущение запинаящейся речи. А о Боге, прячущемся за множественностью дремлющих вокруг «одинокств», сказано, что он «божествует» (окказионализм, который я лично встретил только у Каплинского)⁷. Всё это позволяет одушевить созерцаемые лирическим «я» предметы и увидеть в «двух белых кораблях», которые «исчезают из виду в океане» лирического героя и его жену, а в «старом кресле», что «лежит на пляже, / полупогрузившись в песок», самого поэта. Однако в конце нам, читателям дарована надежда на контакт с ускользающим Абсолютом: «Тут и теперь / он просто играет на мокром песке / в прятки с волнами и маленькими шустрыми крабиками, / оставив на песке и в воде отпечатки своих пальцев».

4.

Я обещал сказать о месте русских стихов Каплинского в контексте богатой именами и разнообразием поэтик новейшей поэзии на русском языке. Даже в таком контексте Каплинский совершенно сам по себе. Элегизм его не отсылает ни к Пушкину, ни к Баратынскому, ни даже к «Вольным мыслям» Блока, которого Каплинский упоминает в заключительном стихотворении *Блѣлыхъ бабочекъ ночи* (Каплинский 2014: 83), ни к скольким ещё образцам. И дело не в том, что Каплинский пришёл в русскую литературу из эстонской традиции (в создании которой принял самое деятельное участие). Его взгляд на литературу и поэтическое слово по большому счёту внелитературен. Каплинского занимает человек вообще, а не поэт, пишущий на одном из выбранных языков, в данном случае, русском. В сущности им с нуля, из ничего создан способ поэтического говорения о самом важном, что составляет основу самоопределения человека в мире.

Ответом стало практически единодушное признание значительности сделанного Каплинским как «начинающим» русским поэтом со стороны литературных кругов Москвы и Санкт-Петербурга, которое с каждым новым его сборником только укреплялось. Хотелось бы, чтобы признание это перешагнуло границы литературного мира, ибо стихи Каплинского обращены к человеку вообще, а не к сверхискушённому homo legens, пробегающему глазами по этим вот строкам.

⁷ По мнению С. Завьялова, высказанному в письме ко мне от 22 апреля 2025, здесь может — вольно или невольно — сказаться церковнославянское влияние: «жизнь живет», как сказано в каноническом переводе «Слова огласительного на Святую Пасху» Иоанна Златоуста (в греческом оригинале используются слова разного корня: «ζωή πολιτεύεται»).

ЛИТЕРАТУРА

- Вишневецкий Игорь. «Памяти Яна Каплинского». *Новый мир* 1 (2022): 121–123.
- Каплинский Ян. «Действительные числа». *Звезда* 11 (2000): 88–100.
- Каплинский Ян. *Белые бабочки ночи. Первый оригинальный сборник стихов автора на русском языке*. Послесловие Сергѣя Завьялова. Таллинн, Эстония: Kite, 2014.
- Каплинский Ян. *Белые бабочки ночи. Первый оригинальный сборник стихов автора на русском языке*. Послесловие Сергея Завьялова. Таллинн, Эстония: Kite, 2014.
- Каплинский Ян. *Улыбка Вегенера. Книга стихов*. Ozolnieki: Literature Without Borders, 2017.
- Каплинский Ян. *Наши тени так длинны. Стихотворения и переводы*. Предисловие и редакция стихотворных текстов С. Завьялова. Москва: Новое литературное обозрение, 2018.
- Каплинский Ян. *Речь при вручении Премии Андрея Белого 2018*. <<https://www.premiabelogo.ru/page/154/ian-kaplinskii-rech-pri-vruchenii-premii-andreia-belogo-2018/>>
- Каплинский Ян. *За другими реками*. Пайде, Эстония: Kite, 2021.
- Каплинский Ян. *Отпечаток крылатого пальца*. Предисловие Игоря Вишневецкого. Пайде, Эстония: Kite, 2022.
- Фанайлова Елена. «Бабочки ночи». Эфир Радио Свобода от 12 мая 2015. <<https://www.svoboda.org/a/26990644.html>>
- Шубинский Валерий. *Ян Каплинский*. Запись в фейсбуке от 13 сентября 2020. <<https://www.facebook.com/shubatv/posts/pfbid0jYvjHGBuZKoyT8EhtygzwpuHoKuRqf4ZM6QQPZXdSkB6osd1nfEb5sMoyhSyy7EGI>>
- Vishnevetsky Igor Georgievich. “Three Contemporary Russian Poets and Biblical Tradition: Sergey Zavyalov, Natalia Chernykh, Jaan Kaplinski.” *Religions* 13 (2022) <<https://www.mdpi.com/2077-1444/13/11/1103>>

REFERENCES

- Fanajlova Elena. “Babochki nochi”. Efir Radio Svoboda ot 12 maya 2015. <<https://www.svoboda.org/a/26990644.html>>
- Kaplinskij Yan. “Dejstvitel’nye chisla”. *Zvezda* 11 (2000).
- Kaplinskij Yan. *Bielyya babochki nochi. Pervyj original’nyj sbornik stihov avtora na russkom yazykie*. Posleslovie Sergiea Zav’yalova. Tallinn, Estoniya: Kite, 2014.
- Kaplinskij Yan. *Belye babochki nochi. Pervyj original’nyj sbornik stihov avtora na russkom yazyke*. Posleslovie Sergeya Zav’yalova. Tallinn, Estoniya: Kite, 2014.
- Kaplinskij Yan. *Ulybka Vegenera. Kniga stihov*. Ozolnieki: Literature Without Borders, 2017.
- Kaplinskij Yan. *Nashi teni tak dlinny. Stihotvoreniya i perevody*. Predislovie i redakciya stihotvornyh tekstov S. Zav’yalova. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.
- Kaplinskij Yan. *Rech’ pri vruchenii Premii Andrey a Belogo 2018*. <<https://www.premiabelogo.ru/page/154/ian-kaplinskii-rech-pri-vruchenii-premii-andreia-belogo-2018/>>
- Kaplinskij Yan. *Za drugimi rekami*. Pajde, Estoniya: Kite, 2021.
- Kaplinskij Yan. *Otpechatok krylatogo pal’ca*. Predislovie Igorya Vishneveckogo. Pajde, Estoniya: Kite, 2022.
- Shubinskij Valerij. Yan Kaplinskij. Zapis’ v fejsbuke ot 13 sentyabrya 2020. <https://www.facebook.com/shubatv/posts/pfbid0jYvjHGBuZKoyT8EhtygzwpuHoKuRqf4ZM6QQPZXdSkB6osd1nfEb5sMoyhSyy7EGI>
- Vishnevetsky Igor. “Pamyati Yana Kaplinskogo”. *Novyi mir* 1 (2022).
- Vishnevetsky Igor Georgievich. “Three Contemporary Russian Poets and Biblical Tradition: Sergey Zavyalov, Natalia Chernykh, Jaan Kaplinski.” *Religions* 13 (2022) <<https://www.mdpi.com/2077-1444/13/11/1103>>

Игор Вишњевецки

О РУСКИМ ПЕСМАМА ЈАНА КАПЛИНСКОГ

Резиме

У чланку се даје општа оцена руског песничког наслеђа естонског песника Јана Каплинског (1941–2021), које је сам песник скупио у пет томова и објавио између 2014. и 2022. године. Разматра се питање песничког осећања Каплинског као аутора који не пише само на естонском него и на руском језику. Показали смо на примеру песме „Месечина капље с кровова на асфалт“ како се понаша руски стих Каплинског. У закључку показујемо шта је узрок потпуне одвојености песама Каплинског од онога што је стварала савремена руска поезија.

Кључне речи: Јан Каплински, естонска поезија, руска поезија XXI века.